

Василий Петрович Авенариус

**Пущин в селе
Михайловском**

О Пушкине

Василий Авенариус

Пущин в селе Михайловском

«Public Domain»

1887

Авенариус В. П.

Пушкин в селе Михайловском / В. П. Авенариус — «Public Domain», 1887 — (О Пушкине)

«Было то в первой половине января 1825 года. В селе Тригорском (Опочецкого уезда, Псковской губернии), в доме вдовы-помещицы Прасковьи Александровны Осиповой (урожденной Вымдонской, по первому мужу – Вульф) вечерний самовар был только что убран из столовой, и хозяйка с тремя дочерьми и единственным гостем перешли в гостиную. На небольшом овальном столе перед угловым диванчиком горела уже лампа под зеленым абажуром. Сама Прасковья Александровна расположилась на своем председательском месте, посредине диванчика, и принялась раскладывать гранпасьянс. Старшая дочь (от первого брака) Анна Николаевна Вульф подседа к матери, чтобы лучше следить за раскладкой карт и в затруднительных случаях помогать советом. Сестра ее, Евпраксия Николаевна, а между своими – Зина или Зизи, предпочла отдельное кресло, чтобы заняться каким-то вышиванием. Младшая же сестра (от второго брака), подросточек Машенька, прикорнула на скамеечке у ног Евпраксии Николаевны и, положив растрепанную головку с косичками к ней на колени, не отрывала глаз от молодого гостя, в ожидании, что-то он опять сострит или расскажет, чтобы посмеяться...»

Содержание

I	5
II	8
III	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Василий Петрович Авенариус

Пушкин в селе Михайловском

Страница из жизни Пушкина

*Поэта дом опальный,
О Пушкин мой, ты первый посетил;
Ты усладил изгнанья день печальный,
Ты в день его лица превратил.*

«19 октября»

I

Было то в первой половине января 1825 года. В селе Тригорском (Опочецкого уезда, Псковской губернии), в доме вдовы-помещицы Прасковьи Александровны Осиповой (урожденной Вымдонской, по первому мужу – Вульф) вечерний самовар был только что убран из столовой, и хозяйка с тремя дочерьми и единственным гостем перешли в гостиную. На небольшом овальном столе перед угловым диванчиком горела уже лампа под зеленым абажуром. Сама Прасковья Александровна расположилась на своем председательском месте, посредине диванчика, и принялась раскладывать гранпасьянс. Старшая дочь (от первого брака) Анна Николаевна Вульф под села к матери, чтобы лучше следить за раскладкой карт и в затруднительных случаях помогать советом. Сестра ее, Евпраксия Николаевна, а между своими – Зина или Зизи, предпочла отдельное кресло, чтобы заняться каким-то вышиванием. Младшая же сестра (от второго брака), подросточек Машенька, прикорнула на скамеечке у ног Евпраксии Николаевны и, положив растрепанную головку с косичками к ней на колени, не отрывала глаз от молодого гостя, в ожидании, что-то он опять сострит или расскажет, чтобы посмеяться.

Гость этот был ближайший сосед их, Александр Сергеевич Пушкин, навещавший их чуть ли не каждый день из своего сельца Михайловского. Но оживленное настроение уже оставило Пушкина: он сидел с понурою головой в каком-то грустном раздумьи.

– У вас, Александр Сергеевич, верно, опять стихи на уме? – спросила девочка.

Пушкин очнулся и провел рукой по глазам.

– Стихи? – повторил он. – Нет... Так что-то...

Он взглянул на каминные часы и быстро приподнялся:

– Пора.

Все четыре хозяйки заговорили разом:

– Да куда же вы, Александр Сергеевич? Ведь совсем еще рано: всего девять. Посидите!

– Меня что-то тянет домой...

– А я знаю что! – объявила Машенька. – Вам надо поскорей-поскорей записать хорошенькую рифму, пока не улетела.

– Нет, у меня какое-то внутреннее беспокойство, – серьезно отвечал Пушкин, – точно предчувствие...

– Вечно у вас эти предчувствия и приметы! – заметила Евпраксия Николаевна. – А до сих пор ничего еще не сбылось.

– Кое-что уже сбылось.

– Например?

– Например, предсказание старухи ворожеи Кирхгоф в Петербурге: «Du wirst zwei Mal verbannt sein»¹, и вот я второй раз в ссылке.

– Тем лучше: в третий раз, стало быть, ни за что уже не сошлют. Живите себе и пользуйтесь жизнью.

– Да, двенадцать лет еще впереди.

– Почему же именно двенадцать?

– Потому что та же Кирхгоф предрекла мне смерть, когда мне минет тридцать семь.

– Что за пустяки! – прервала его тут Прасковья Александровна. – Сыграй-ка ему, Зина, на фортепиано что-нибудь веселенькое, чтобы разогнать его мрачные мысли.

– А я знаю, чем его удержать! – подхватила Машенька и захлопала в ладоши.

– Чем?

– Да мочеными яблоками!

– Вот это так, вернее нет средства, – улыбнулась мать. – Беги же, милочка, неси скорей, пока Акулина Памфиловна еще не улеглась.

Девочка вихрем умчалась к старухе ключнице. Но затосковавшего поэта даже перспектива любимого его деревенского лакомства на этот раз не прельстила. Он взял шапку и окончательно распростился. Дамы пошли, однако, провожать его еще до передней. Только что слуга подал ему шубу, как влетела Машенька с полным салатником моченых яблок.

– И после этого будь любезной с гостем! Я едва-едва вырвала ключи от кладовой у нашей старой ворчуньи, а он удирает! Нет, сударь мой, извольте теперь кушать!

Достав из салатника ложкой одно яблоко покрупнее, она поднесла его к губам молодого гостя. Тому ничего не оставалось, как раскрыть рот пошире.

– Да ты сахаром-то не забыла посыпать? – спросила одна из сестер.

– Еще бы забыть для такого сластены! Разве не сладко? – отнеслась девочка к Пушкину.

У того рот был еще так полон, что он в ответ мог только промычать «мгм!» и кивнуть утвердительно головой.

– Жуете, жуете, как беззубый старик! – подтрунила над ним Машенька. – Разве угостить вас еще соком? Ну-с, раскройте-ка ротик.

Он опять беспрекословно исполнил требование; но угощение последовало с такою стремительностью, что едва половина попала по назначению; остальное же брызнуло ему за галстук и на шубу.

Это так рассмешило шалунью, что она с звонким хохотом запрыгала козой; вместе с нею запрыгали косички у нее на затылке, запрыгали и яблоки в салатнике, и штуки две-три покатились на пол, а за ними плеснула еще струя соку.

Мать и старшие сестры только ахнули и расступились, чтобы спасти свои платья; вслед за тем все разом рассмеялись, так же как и Пушкин.

– Экая ведь егоза! – говорила Прасковья Александровна. – Дай-ка сюда салатник, а то и его, пожалуй, уронишь.

Освободившись от салатника, Машенька принялась собственным платком усердно обтирать забрызганную шубу гостя.

– Да вы стойте, пожалуйста, смирно! Не отряхнитесь, как пудель. Ну, вот и сухи. В благодарность вы должны написать мне тоже что-нибудь в альбом.

– Про пуделя?

– Да, про пуделя, то есть про себя. Напишите?

– Вот увидим.

– Неблагодарный!

---

¹ Ты будешь два раза сослан.

- Облили человека вкуснейшим соком, а он даже оценить не хочет. Самая черная неблагодарность! До свиданья, mesdames...
- До свиданья, Александр Сергеевич! Завтра опять увидимся?
- Если чего не будет...
- Опять вы с вашими предчувствиями!
- Что делать! Во всяком случае, не поминайте лихом.

II

Свои прогулки из Михайловского в Тригорское, куда не было и трех верст, в летнее время Пушкин совершал либо верхом, либо пешком, в последнем случае – подпираясь толстой палкой и в сопровождении большой дворовой собаки. Зимой же, когда пролежавшая то лесом, то полями и открытая здесь ветрам дорога была занесена сугробами снега, ему, обыкновенно, запрягали легкие сани. Так было и на этот раз.

Луна была на ущербе и еще не всходила. Благодаря, однако, расстилавшейся кругом снежной скатерти, общие очертания окружающей местности можно было различать.

Что за безлюдье, что за тишина! Словно весь мир вымер и накрылся саваном... Пушкина еще сильнее охватило безотчетное уныние.

«Не то же ли и со мной? – говорил он себе. – Всю прошлую жизнь со всеми ее тревоженьями тоже снегом занесло. Кому в целом мире какое теперь дело до меня? Кому я нужен, кроме разве моей доброй няни, которая сама в гроб глядит?»

Тут из белого полусумрака восстали перед ним около самой дороги три знакомые сосны. Но в своих нахлобученных белых шапках они представлялись ему обледеневшими, застывшими навеки исполинскими мумиями; а одна из них вверху раздвоилась – ни дать ни взять громадная бесструнная лира.

«На моей лире струны еще не порваны, – думалось Пушкину, – но для кого я бренчу в моей снежной пустыне? Сам себя только тещу!»

И везде-то та же мертвая тишь, снег на всем – и в роще, на деревянной часовенке, и за рощей, на избах крестьянских: все гробы да гробы! А вот и свой домик – свой гроб...

Няня, Арина Родионовна, очевидно, поджидала своего барина-питомца. Как только он из сеней ступил в коридор, куда выходили, одна против другой, двери к нему и к ней, старушка показалась на своем пороге с зажженной свечой в руке.

– Чтой-то, батюшка мой, больно рано вернулся? Аль неможется?

– Нет, ничего... – отвечал Пушкин, снимая шубу и вешая на гвоздь. (Он раз навсегда запретил слабосильной старушке помогать ему при этом.) – А что, няня, без меня тут ничего не случилось?

– Чему еще случиться? – точно даже испугалась она и осенила себя крестом. – Господь нас помилуй!

– И не заезжал никто?

– Ни души человеческой.

– Странно!

– Чего тут странного, коли и так по неделям никто-то к тебе носу не покажет. Бедный ты у меня, сиротинушка!

Пушкин поморщился:

– Оставь это, Родионовна! Не люблю я твоих соболезнований, сама знаешь. Я долей своей очень даже доволен.

– А доволен, так и слава Богу. Да не заварить ли тебе малинового чаю с липовым цветом?

Пушкин слабо усмехнулся.

– Я же вовсе не простужен!

– Так ли, миленький мой! Ну, так ложись хоть сейчас, да хорошенько прикройся. Не пиши на ночь, сделай мне такую милость! Завтра поспеешь.

– Хорошо, хорошо. Доброй ночи, няня!

– Дай вот только свечу тебе тоже зажгу... Вот так Храни тебя Христос и ангел твой!

С наступлением холодов поэт наш довольствовался одной небольшою комнатою, выходящею окном на двор и служившею ему одновременно спальнею, кабинетом и столовою. Была тут и кровать с пологом, был письменный стол, книжный шкаф и диван – чего же более?

Не взглянув даже на свои разбросанные на письменном столе писанья, он начал раздеваться. Улегшись, он точно так же не стал, по обыкновению, читать на сон грядущий, хотя книжка с закладкой лежала тут же на ночном столике, а тотчас погасил свечу.

Но сна не было. Кругом – полная ночная темь, ночная тишина; только стенные часы через коридор из комнаты няни в урочное время отбивают 10, 11, 12 раз каким-то похоронным боем, да ветер в трубе по временам жалобно завывает, как полуночные тени на погосте. Никогда еще, кажется, опальный поэт не чувствовал в такой мере свою оторванность от целого света.

«Один, один! Тригорские соседки – премилые, предобрые существа, спору нет, а все-таки для тебя чужие. Няня, пожалуй, любит тебя, как родное детище; но у нее главная, чуть ли не единственная забота: чтобы ты был здоров, чтобы тебе елось и спалось вволю. Поделиться же своими сокровенными планами, своими задушевными мыслями – решительно не с кем. То ли дело было в лицее, в незабвенном Царском Селе! Товарищей – тридцать человек, друзей – полдюжины, а один друг, первый друг, – всегда около тебя, и днем и ночью. Двери ведь рядом: на правой дощечка с надписью: „№ 13. Иван Пушкин“; на левой: „№ 14. Александр Пушкин“. И кровати даже около той же тонкой стенки. Обидел ли тебя кто до слез, просто ли невольную взгрустнется, – Пушкин чутким ухом уже услышал, стучится в стенку: „Что с тобой, Пушкин?“ И выскажешь ему все, как на исповеди, облегчишь наболевшую душу. С тех пор, правда, наши дороги разошлись; сколько лет не видались, даже не переписывались. Но первая дружба никогда не заглохнет. Где ты, Пушкин? Вспоминаешь ли еще иногда своего старого друга?»

Хорошо, что темно: перед самим собой хоть не так стыдно утереть глаза... А ночь, безрассветная ночь тянется, тянется без конца!

Уже под утро изнывший поэт забылся тревожным сном.

Вдруг точно электрическая искра пробежала по его членам, и он разом пришел в себя.

«Что это? Почтовый колокольчик? Кого это в такую рань принесло? Эх их, однако! Совсем шальные: вломились в закрытые ворота, и колокольчик гремит уж у крыльца...»

Пушкин вскочил с постели и кинулся к окну. Так и есть: ворота настежь, а перед крыльцом – тройка, вся в мыле; пар с нее столбом. На облучке же – не ямщик, нет, а какой-то слуга, который, крепко натянув вожжи, тпрукает на разгоряченных коней.

«Господи! Да ведь это, никак, Алексей, человек Пушина! Может ли быть?»

Тут и сам барин, закутанный в енотовую шубу, начинает вылезать из саней и повертывается лицом.

– Пушкин!

Не думая уже о том, что может простудиться, Пушкин как был – босиком и в рубашке – выбежал из дверей и на крыльцо.

Мороз на дворе стоял крещенский, но Пушкин не чувствовал холода и с распростертыми руками ждал друга.

Тут и друг его завидел, вбежал к нему на крыльцо и, подхватив в свою шубу, на руках внес его в дом, в коридор, в спальню.

Стоят они посреди комнаты друг против друга, целуются, глядят один на другого со слезами на глазах, опять целуются – и не находят слов.

Немая сцена имела одну свидетельницу – Арину Родионовну. Заслышав стук двери и чьи-то незнакомые поспешные шаги, она взглянула в коридор, оттуда в открытую дверь своего барина – и остолбенела на пороге.

В следующее мгновение она уже поняла, что этот гость – школьный товарищ Александра Сергеевича, и, как к родному, кинулась к нему на шею. Пушкин, точно так же сообразив, кто эта старушка, крепко ее обнял и поцеловал в обе морщинистые щеки.

Наперсница волшебной старины,
Друг вымыслов игривых и печальных...

К этой цитате из известных стихов своего друга он прибавил уже от себя в чистой прозе:

- А что, няня, с дороги недурно бы прибраться, умыться?
- Ахти! – всполохнулась няня. – Прочие-то комнаты у нас нетоплены...
- Да вот Алексей мой, коли нужно, поможет.

Но показавшемуся в дверях Алексею было не до старушки: он припал к руке ее молодого барина.

– Что ты, что ты, Алексей!.. – говорил Пушкин, сам его целуя и наскоро прикрываясь лежавшим на стуле халатом.

– Он также из твоих поклонников, – объяснил Пушкин, – многие твои стихи наизусть знает.

– Очень хорошо! – рассмеялся Пушкин. – Стало быть, я делаюсь уже, в некотором роде, народным поэтом?

III

Прибыл Пушин в восемь часов утра, а в половине девятого оба приятеля-лицеиста сидели уже в прибранной комнате и сами прибранные за дымящимся кофе с зажженными трубками, любовно переглядываясь, точно не могли наглядеться один на другого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.